

УДК 395+398

DOI: 10.47928/1726-9946-2021-21-2-41-48

Общее и особенное в своде Адыгэ хабзэ и проблемы функционирования

Гутов А.М., Гутова Л.А.

Представлено академиком АМАН Х.И. Баковым

Характер сочетания общего и особенного в области этикета тесно смыкается с вопросами функционирования феноменов традиционной народной культуры в условиях современности. Многие аспекты как того, так и другого находят свое выражение в фольклорных образах. Однако в действительности постановка и решение проблемы требуют особого внимания, чему посвящается настоящая статья.

Считаем уместным предослать нашему изложению упоминание об одном несколько курьезном случае. Много лет назад тележурналисты ГТРК Кабардино-Балкарии записали один ролик, который они затем не рискнули дать в эфир. Это был экспресс-опрос на тему Адыгэ хабзэ. Было задано всего два вопроса: 1) Знает ли опрашиваемый об основных принципах адыгского этикета? 2) Каково его отношение к Адыгэ хабзэ в современных условиях? Группа студенток дружно ответила примерно так: «Да, нас с детства воспитывали в духе нашего хабзэ, но лучше бы мы его не усвоили». На недоуменный вопрос «Почему?» ответ был кратким: «Пока мы сообразуем свои поступки с нормами строгого этикета, другие опережают нас». Суть не в парадоксальности ответа или всей ситуации в целом, а в том, что опорные уложения кодекса Адыгэ хабзэ, которые начали складываться в глубокой древности и прошли через многие столетия, вдруг в наше время оказались ненужными. Не столь важно, что они не просто соблюдались в свое время, но были эталоном поведения благородного человека, причем и у некоторых соседних народов, а не только среди адыгов. Это благодаря тому, что они не только умели впитать все лучшее, что появлялось в сфере человеческих отношений, но еще и потому что адыгский этикет умел гармонировать с переменами, происходящими в обществе. Характерный принцип функционирования любого феномена народной традиции - естественным образом отодвигать неактуальное на второй план, порою совсем отказываться от того, что омертвело, зато впитывать в себя новое и перспективное. Это в ярких идеальных образах запечатлено и в нартском эпосе, и в героических песнях, и в преданиях старины. При этом фольклор в данном случае не только словесное искусство, но еще и живописание идеального типа поведения. Резонен вопрос: неужели к нашему времени многие каноны этого замечательного феномена национальной культуры, которым мы по праву гордимся, уже перестали соответствовать объективному ходу истории и от них следует избавиться, как об этом несколько необдуманно завил студентки современного вуза?

Если задуматься, то такой шаг означал бы отказ от значительной части своей духовной культуры, от внушительной доли своей истории и ментальности. Достаточно вспомнить о множестве восторженных отзывов русских, европейских, восточных авторов о красоте традиций коренного населения Кавказа, о культуре общения средневековых черкесов. Если отречься от всего этого, всё, что так приятно поражало иностранцев

и привлекало соседей, растворится в кратчайшее время в пучине глобализации. Разумеется, всегда бывает тяжело расставаться с тем, что было дорого, хотя теперь оно, как представляется, будто бы перестало быть нужным. Однако в нашем случае дело не в сантиментах. Проблема состоит не в том, чтобы любой ценой зацепиться за безвозвратно уходящее или даже за счет отказа от своего собственного лица, непременно оказаться в воронке современного псевдокультурного потока, обезличивающего, но не без лукавства именуемого общечеловеческой культурой, а в том, чтобы найти репрезентативные пути гармонического сочетания многовекового опыта народа с духовными принципами нашего времени.

Поэтому девушки, так отозвавшиеся о феномене нашего культурного наследия, отчасти правы – в том, что жить только по канонам минувших столетий нельзя. Но у данной проблемы есть и обратная сторона: сам этический свод, совершенствующийся многие века, просуществовал до наших дней по той причине, что имел свойство отвечать на вызовы времени, изменяться, обновляться, но при этом не просто бесхребетно подстраиваться, а облагораживать и его носителей, и даже не всегда простые обстоятельства. И если нам представляется, что он нынче перестал соответствовать духу происходящих перемен, быть может следует не отбросить его за ненужностью, а признать, что пора вносить в него коррективы. Но это никак не означает отказа от всего, что было накоплено за прошлые века и тысячелетия, хотя надо признать, в подобных случаях заявления о том, что в императивах традиционного этикета заложена мудрость предков, мало кого могут убедить и подвигнуть к действию.

Думается, в сложившихся условиях неплохо бы задуматься над теми противоречиями, которые несет в себе сама идея глобализации. С одной стороны, утверждается, что стирание этнокультурных, языковых, ментальных различий призвано сближать разные народы. Но с другой – те же поборники такого «единого человечьего общежития» сами призывают ставить во главу отношения к человеку интересы индивидуума, ни в коем случае не ущемлять его «Я». О какой же самоценности личности можно вести речь, если изначально предполагается стричь каждого под одну гребенку со всеми остальными – подчинить всех людей одной культурной модели? Как нам представляется, это парадокс, и он может быть снят признанием самоценности не только каждой личности, но и каждой этнокультурной группы людей, населяющих планету, каждого языка, каждого феномена культуры, несущего в себе гуманистическое содержание. Другое дело, что и этикет как явление духовной культуры, функционирует по законам живого организма – он формируется, совершенствуется, изменяется соответственно тенденциям времени. Поэтому отказываться от него значит выбрать курс на полное растворение в безликой массе, а содействовать его полнокровному бытованию – это поддерживать то многообразие жизни на земле, без которого немислимы ни жизнь, ни сама земля.

Как хорошо известно, не существует народов, у которых исторически не сформировались бы определенные стандарты общения. Это один из атрибутов эволюции любого человеческого сообщества, и, как справедливо отмечает Б.Х. Бгажноков, общества без этикета «нельзя себе даже представить» [1, с. 134]. При всем многообразии действительности сходные, повторяющиеся ситуации, имея единую функциональную основу своего возникновения, непременно обнаруживают признаки сходства не только по функции, но

и по содержанию. Поэтому речь может идти не об их наличии или отсутствии, а о том, каковы их конкретные формы проявления. Так, пожалуй, в любой среде людей придется определяться с тем, *как относиться к своим родителям или детям, как строить отношения с соседями или незнакомыми людьми, с теми, кто выше или ниже по социальному статусу, как выразить свое расположение или негативное отношение к ближнему, как строить взаимоотношения внутри своей семьи или иного замкнутого коллектива* и пр. Это – далеко не полный перечень общих установок, которые могут встретиться у самых разных народов, как близких по происхождению, так и совершенно разных, как соседствующих между собою, так никогда один с другим не встречавшихся в течение всего обозримого исторического этапа. Данный феномен можно условно признать как *общечеловеческие этические универсалии*. Их генезис не обусловлен ни установленной общностью происхождения ни последствиями продолжительных межэтнических влияний. Наиболее репрезентативное объяснение этому мы находим в том, что согласно законам типологии культуры, сходные ситуации, как известно, порою вызывают и сходные варианты поведения, в одних случаях по форме совершенно разные, в других – во многом похожие или повторяющиеся.

В данном случае мы хотим обратить внимание на ситуации, когда одни и те же базовые этические установки могут выражаться по-разному. Так, например, у многих народов мира символическим знаком в процедуре примирения, достижения согласия, установления добрых отношений друг с другом является ритуализованное действие с совместным употреблением напитка из одного сосуда: согласно мифопоэтическим представлениям, которые отражены во множестве народных сказаний, между теми, кто отведал напиток из одной и той же чаши, возникают особые, отмеченные сакральностью, доверительные отношения, нарушать которые запрещено не просто из практических соображений. В основе подобных запретов лежит мистическое верование человека в вероятность и даже неизбежность негативных последствий, причем не со стороны другого человека, а неких высших сил.

Такой же знаковостью обладает в культуре многих народов ритуальная трапеза: принимать пищу с одного стола, а более того – из одной посуды это также символическое закрепление акта сближения. В обиходе у адыгов существует даже специальный термин *зэгъэкIужэ Iэнэ* – «примирительный стол» [2, с. 59]: вкушение пищи за одним столом – один из залогов прочности добрых отношений. У американских индейцев ту же функцию выполняет ритуальное курение «трубки мира». Примеры можно продолжить. Таким образом, в разных случаях функция производимых действий одна и та же – символическое установление дружественных или даже родственных отношений. Но при этом формы их объективации, как видим, имеют варианты: в одном случае это совместное распитие, в другом трапеза, в третьем курение трубки и т.д.

То же самое будет и в ряде других ситуаций: во взаимоотношениях между гостем и принимающим его хозяином, между родителями и детьми, между мужчиной и женщиной и пр. Более того, модель взаимоотношений в одной области может трансплантироваться и на некоторые другие ситуации, однако со своими специфическими вариантами, причем порою неожиданными. Так, по адыгскому этикету, вернее по этическим императивам традиционного адыгского общества, отношение жены к мужу во многом напоминает мо-

дель отношения младшего к старшему: в обеих ситуациях доминирующим принципом является подчиненное положение одного относительно другого, обязательная готовность услужить, выполнить любое поручение, создать для старшего или для мужа максимальный комфорт. Однако даже в таких случаях есть свои мотивированные отклонения от принципов, представлявшихся незыблемыми. Так, если муж и жена оказались где-нибудь в пути, вдали от дома, то их функции как бы меняются полюсами: здесь муж – мужчина, который, как более мобильный и физически сильный, обязан во всем заботиться о жене, создавать для нее предельно возможный комфорт, удовлетворять все ее пожелания [3, с. 101-120], [4, с. 49-71]. В подобной ситуации проявление какого бы то ни было высокомерия или невнимательного отношения к женщине для настоящего мужчины считается позорным и вызывает отторжение к этому человеку. Если же в открытом пространстве – в пути, просто за пределами населенного пункта – мужчина повстречается с женщиной, знакомой или незнакомой, он обязан забыть о всяких своих делах, какими бы неотложными они ни оказались, и сопровождать встреченную не менее, чем до первого надежного безопасного места, причем продолжить свой путь он может только с дозволения женщины [5, с. 110-111]. Примечательно, что подобный жест признается канонически обязательным в отношении к уважаемому лицу преклонных лет или к особе княжеского рода [2, с. 121]. Как можно полагать, именно оттуда данный императив «трансплантировался» по отношению к женщине как комильфотный рыцарский принцип.

Очевидно, что, чем ближе друг к другу народы по своей культуре, происхождению, жизни в непосредственном соседстве и разнообразных контактах, тем больше возможность того, что формы конкретного выражения общего мотива будут сходными. Это не исключает допустимости немотивированных совпадений, но, конечно же, значительно сужает ее. Можно полагать, причем не только в соответствии с принципами элементарной логики, что, чем больше совпадений на уровне конкретных образов и предметных реалий, тем выше будет вероятность или генетического, или же контактного характера истоков многих сходных явлений. Сказанное может относиться не только к своду стандартов общения, но и к другим областям народных традиций, в том числе и к вербальному фольклору, в котором отдельные жанры или конкретные произведения не всегда представляют по своей функции самостоятельное явление, а являются частью единого комплекса культуры этноса. В том числе предания, эпические поэмы, песни являются чуть ли не самыми удобными и популярными носителями ярких образцов идеального поведения человека.

В то же время никакая самостоятельность, особенно в области культуры, не может стать залогом полной закрытости по отношению к внешнему миру, что само по себе противоречит природе живого функционирования традиций. Иными словами, эволюция и вообще естественное бытование феномена культуры всякой этноязыковой массы практически никогда не обходится без очевидного взаимодействия с окружением, внешними факторами, если только речь не идет об абсолютно изолированной группе людей (например, в какой-нибудь глуши, недостижимой для цивилизации).

В условиях полиэтничности Кавказа проблема естественного взаимодействия культур особенно актуальна, потому что, когда на ограниченной территории в течение длительного исторического периода проживают носители не только разных языков, но и

различных верований, разных истоков этнической культуры, естественным оказывается переплетение типологических, генетических, контактных причин сходства и общности в определенных областях культуры. Несмотря на относительно небольшую площадь, которая заселена разнородной массой людей, Кавказ примечателен еще и тем, что территории, пригодные для освоения человеком, располагаются здесь в самых различных климатических зонах. Это и полупустыни с просторными безлесными степями, и лесостепи, и пояс предгорий с плодородными землями, благодатными для скотоводства и земледелия, и горные альпийские луга вплоть до границы с зоной вечных снегов и ледников. Надо прибавить к этому, что разные этнические группы имеют контакты с носителями разных традиций за пределами кавказского ареала, следствием чего оказываются еще более обширные культурные взаимовлияния. В своей совокупности всё это способствует разнообразию во многих областях – в образе жизни, роде занятий, особенностях социальных отношений, этноментальности. Такое обстоятельство можно использовать как для взаимного отчуждения человека от других людей, так и для создания гармонического общества, в котором представитель каждой группы населения имеет собственное обличье и вносит свой вклад в создание единого и богатого разнообразия всего общества. Естественно при этом, что вклад каждого определяется соответственно его реальному положению, а, как известно, абсолютно равного положения между всеми участниками процесса не может быть – кто-то на время вырывается вперед, кто-то остается на прежнем уровне эволюции.

Все это обусловлено объективными причинами, поэтому перед историческим процессом ни у кого нет приоритетов. На Северном Кавказе после распада Золотой Орды обстоятельства сложились так, что в числе народов, которые оказались в сравнительно более благоприятных обстоятельствах были адыги. Относительно многочисленное население, удобное географическое положение, такие обретенные за предыдущие этапы истории качества как воинственность, трудолюбие, хорошие условия для занятий земледелием, садоводством и животноводством, развитие отдельных ремесел, сравнительно развитый для своего времени социально-политический уклад – все это в совокупности способствовало и подъему в области духовной культуры и как одной из ее областей – формированию достаточно стройной системы правил взаимоотношений, т. е. этикета.

С течением времени многие императивы поведения, принятые или же особо усовершенствованные в адыгской среде, стали проникать к соседним народам и даже у них именоваться не иначе, как элементами «Адыгэ хабзэ». Это явление, естественное для истории, однако не может быть одновекторным. С одной стороны, как мы отмечали, народов без своих правил взаимодействия между людьми не существует, и речь может идти не о внедрении элементов культуры одного народа в чужеродную среду, а о конкретном варианте свода таких правил. С другой – справедливее говорить о взаимодействии культур, но не о механических заимствованиях. При этом немаловажную роль играет принцип вероятности взаимопроникновения тех или иных атрибутов культуры.

Суть проблемы в том, что, как известно, разные феномены культуры имеют различный уровень способностей аккумулироваться, вернее разную степень возможности успешно прижиться в иной среде [4, с. 66-82]. Иначе трудно объяснить, почему у каждого из народов, которые веками живут рядом друг с другом, интенсивно общаются между

собой и имеют благоприятные возможности для регулярного обмена культурными достижениями, все же упорно сохраняются многие сугубо специфические особенности. Мы рассматривали эту проблему на примере одного фольклорного жанра, нартского эпоса [4], но, как полагаем, есть достаточные основания для того, чтобы признать всеобщность тезиса о разной валентности не только фольклорного жанра, но и явлений разных областей этнической культуры. Из него, в частности, следует два важных заключения. Во-первых, ни одна из контактирующих сторон не может называться абсолютно пассивно воспринимающей или, напротив, только «одаривающей». Взаимодействие чаще всего предполагает диффузию, а не одностороннюю инфильтрацию. Во вторых, что чрезвычайно важно, феномены фольклора и в целом этнической культуры могут быть усвоены инородной средой только в случае стадияльной, эволюционной готовности той среды, которую мы обозначаем как воспринимающую. Как отборные, элитные семена, упавшие на голые камни, не дадут никаких всходов, так и самые прекрасные нормы общения не в состоянии прижиться в среде, которая не готова признать их кровно близкими себе по духу, они или останутся незамеченными, или же будут просто отброшены за ненадобностью. Поэтому если конкретные формы объективации какого-либо обычая перенимаются одними у других, это означает, что аккумулирующая сторона не является просто пассивно воспринимающей, как мы и утверждали выше. Уж если я по своей воле принял что-то из вашего культурного обихода, значит, у меня для того была подготовленная почва, вы не просто механически «подключили» меня к чему-то высокому, а ускорили процесс, который созрел, созрел и должен был произойти как эволюционный. В подобном случае заимствование есть не что иное, как использование катализатора. Не будь этого, никакой аккумуляции бы не было, произошло бы отторжение, не имеющее никаких позитивных последствий. Поэтому если факт взаимодействия налицо, то получается, что духовно обе стороны родственны. В свою очередь, вы сами можете так же взять из моего опыта что-то, в чем я больше преуспел, если только вы готовы к восприятию этого, нуждаетесь в этом, и оно тоже станет общим достоянием. Так благодаря валентности феноменов культуры у исторических соседей складываются не только близкие по форме принципы отношений, но и конкретные формы их выражения. Когда одна этноязыковая масса в чем-то выходит немного вперед, она быстрее упорядочивает и как-то «грацилизует» стандарты поведения в сфере этикета. Понятно, что это становится привлекательно для остального окружения. В то же время более влиятельная масса быстрее аккумулирует многое из того, что есть хорошего у соседей.

Однако бывает немало случаев, когда диффузионного контакта не происходит, и это, видимо, тоже естественно. Чтобы наглядно продемонстрировать этот тезис, приведем один пример из реальной жизни. Одному из авторов настоящей работы довелось однажды оказаться в качестве гостя в соседнем населенном пункте. Как положено, гостей с почетом встретили и с церемониями препроводили в помещение, избранное для застолья. Провожатый вежливо предложил рассаживаться. Но старший из гостей, увидев, что за столом нет никого, посчитал неприличным садиться за стол раньше самих хозяев. Он деликатно заметил, что может сесть только тогда, когда за столом будет сидеть тамада, потому что сам он должен садиться рядом с уже сидящим представителем принимающей стороны. Пришлось дожидаться, пока оплошность не будет исправлена. Но недоразуме-

ния на этом не закончились: когда, наконец, тамада появился, он сел не на почетное место, которым могло быть сиденье возле стены и в центре у длинного стола, а с торца, обращенного к внутренней двери в другую комнату. Чтобы избежать дальнейших препирательств, гостю пришлось устроиться рядом, несмотря на то, что избранное для него место оказалось не самым удобным для того, чтобы называть это достойным статуса старейшины со стороны гостей. Это значит, что принимающая сторона оказалась не в состоянии знать и соблюдать тонкости застольного этикета, и это не потому, что ее представители никогда не сидели за праздничным столом, а по той причине, что изначально они не были готовы к усвоению и соблюдению тех правил, которые, без сомнения, неоднократно видели в действительности: то, к восприятию чего человек не подготовлен, ускользает от его внимания. Говоря образно, семя на сей раз падало на каменистую поверхность.

Видимо, нельзя переносить этот случай на систему культуры общения всего народа, но он наглядно иллюстрирует тезис о том, что внушить в сознание такую модель, восприятие которой не было внедрено в свое время естественным образом, бывает проблематично. Как считают специалисты в области психологии личности, из всего многообразия окружающего мира человеческое сознание фиксирует только то, к чему оно готово. Судя по всему, хозяева, представляющиеся незадачливыми, на самом деле ни в чем не повинны, причина же заключается в том, что в современных обстоятельствах многое из традиционного образа жизни старших поколений просто перестает быть актуальным. Отсюда не всегда просто бывает человеку сориентироваться, какие правила можно и желательно сохранить, а от чего можно без сожаления отказаться.

В течение почти всей предыдущей истории социальные институты регулировались спонтанно, без волевых усилий с какой бы то ни было стороны. Тем не менее, мы не можем утверждать, что на каких-то этапах эволюции эти институты не испытывали кризиса. Один из таких кризисных этапов наше общество переживает в настоящее время. Исторические обстоятельства поставили со всей определенностью общество перед выбором – или подчиниться надвигающейся угрозе нивелирования всех различий этнокультурного плана и последовательно отказаться от совокупности тех признаков, которые определяют нас как значимую часть человеческого сообщества – от языка, обычаев, правил взаимодействия, костюма и пр., или же найти в себе силы для того, чтобы сознательно регулировать те сферы деятельности, которые определяют нашу этнокультурную сущность. Как хорошо известно, сама жизнь возможна только в разнообразии, поэтому попытки нивелировать все явления, имеющие отношение к социальной сфере следует признать противоестественными, а усилия к сохранению многообразия – единственно жизнеспособными.

Ученый и писатель Сараби Мафедзев не без эмоций писал по этому поводу: «К большому сожалению, современная молодежь считает многие наши прекрасные народные обычаи устаревшими, а соблюдающих их – старомодными» [6, с. 107]. Уместно будет припомнить, что подобного рода сетования отмечены в памятниках письменности Древнего Египта, Древней Греции, средневековой Европы. Если правы те, кто утверждает невозможность существования человеческого общества без правил и норм общения, то и наше общество тоже будет следовать каким-то правилам. Но при этом задачей является

сохранение национального, местного колорита в конкретных формах их существования. Фольклор приписывает выдающемуся мыслителю Жабаги Казанко изречение: «Всякое дело настолько велико, насколько сумеешь его поднять». Проблема сохранения и органичного функционирования Адыгэ хабзэ представляется одной из бесспорно больших и важных, но и она будет решена настолько успешно, насколько наше общество сумеет ее поднять.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бгажноков Б.Х.* Очерки этнографии общения адыгов // Этнография адыгов. Нальчик: Эльбрус, 2011. С. 7-162.
2. *Думанов Х.М.* Краткий словарь этнографических терминов кабардино-черкесского языка. Нальчик: Эль-фа, 200. 216 с.
3. Къардэнгъушĭ Зырамыку, Щоджэн Хъэзешэ. Адыгэ хабзэу щыІахэр. (Зарамук Кардангушев, Хазеша Шогенов. Обычаи адыгов. На кабард.-черк. яз). Налшык: Эльбрус, 1995. Н. 184.
4. *Гутов А.М.* Проблемы адыгского (черкесского) нартского эпоса. Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2018. 264 с.
5. *Гутова Л.А.* Путь женщины в свете адыгского этикета. Нальчик: Изд. М. и В. Котляровых, 2010. 212 с.
6. *Мафедзев С.Х.* Адыги. Обычаи и традиции (Адыгэ хабзэ). Нальчик: Эль-фа, 2000. 310 с.

ABSTRACT

In the overwhelming majority of cases, the foundations of these or other etiquette rules are common for different ethno-speaking communities of people. Features are manifested in the field of specific formation forms, in the development of parts, fullness of humanistic content. In this regard, Adyge Habze, it is legitimate to admit not just a videos for domestic use, but by the spiritual and moral code that has universal value.

Keywords: etiquette, imperative, problem of functioning, diffusion of crops.

Institute of humanitarian studies of the Kabardino-Balkar scientific center of the RAS, Nalchik;

E-mail: adam.gut@mail.ru.

© А.М. Gutov,
Л.А. Gutova, 2021

АННОТАЦИЯ

В подавляющем большинстве случаев основы возникновения тех или иных этикетных правил оказываются общими для разных этноязыковых сообществ людей. Особенности проявляются в области конкретных форм объективации, в разработке деталей, наполненности гуманистическим содержанием. В данном отношении «Адыгэ хабзэ», правомерно признать не просто сводом предписаний для внутреннего пользования, а духовно-нравственным кодексом, имеющим общечеловеческую ценность.

Ключевые слова: этикет, императив, проблема функционирования, диффузия культур.

Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН, Нальчик;

E-mail: adam.gut@mail.ru

© А.М. Гутов,
Л.А. Гутова, 2021